

О.А. Хорошилова

Отряд Особой важности атамана Пунина

Аннотация

Публикация посвящена истории возникновения и боевой работе одного из самых крупных партизанских частей Великой войны – отряду Особой важности атамана Леонида Пунина. Описан процесс формирования этой части, охарактеризованы его состав, обмундирование, амуниция и вооружение офицеров и нижних чинов. Описаны основные боевые операции, в которых участвовал отряд Особой важности с конца 1915 по 1918 годы.

Ключевые слова

Партизаны, отряд особой важности, Северный фронт, военные операции.

Olga Khoroshilova

The Special Service Squad of Ataman Punin

Abstract

The article is dedicated to the organization and military service of one of the biggest Russian partisan squads of the Great War - the special service squad of Ataman Punin. The author describes the process of its formation, analyses its compound, military outfit, ammunition and armament of the officers and soldiers. The participation of the squad in the main military operations from 1915 to 1918 is also analyzed in the article.

Key words

Partisans, special service squad, Northern front, military operations.

Отряд особой важности атамана Пунина был одним из самых известных партизанских формирований Первой мировой. Созданный по инициативе Георгиевского кавалера поручика Леонида Николаевича Пунина¹, он стал одной из наиболее дисциплинированных и спянных партизанских частей, которая неоднократно демонстрировала свою лихость и удаль в боях с германцами. Даже во время революционных событий пунинцы сохранили дисциплину, субординацию и столь необходимое для успеха «чувство товарищеского плеча».

Официальным днем рождения отряда стало 26 ноября – день георгиевских кавалеров (их в отряде Пунина было более 120). Но фактически эта часть была сформирована чуть раньше – 6 декабря 1915 года, в городе Выпинки (недалеко от Режицы).

Процесс создания отряда был непростым. Идея организовать партизанское формирование пришла поручику Пунину еще в августе 1915, во время его работы в Офицерской стрелковой школе². Месяц он готовил общий проект, затем с помощью родственника, генерал-лейтенанта по адмиралтейству Е. И. Аренса, смог представить его в штаб Северного фронта. Более месяца шло рассмотрение прошения. Однако Пунину повезло. В октябре состоялся весьма успешный набег сводного партизанского отряда на Кухотскую Волю. И это стало главным аргументом в пользу доводов поручика, который получил разрешение на формирование отряда Особой важности. К концу ноября 1915 года он был полностью укомплектован, о чем 6 декабря было доложено Рузскому, а на следующий день – Походному Атаману великому князю Борису Владимировичу. Поручика Пунина назначили начальником со всеми правами и привилегиями командира отдельной части.

Состав, обмундирование, вооружение

Отряд был многонациональным и многоязычным. Кроме русских, украинцев, бурятов, было 37 латышей. 42 человека знали польский язык, немецкий – 15. Литовским языком владели 9 человек³.

¹ Пунин Леонид Николаевич (1892 - 1916) – поручик (06.08.1915), атаман конного отряда Особой важности при штабе Северного фронта (с 1917 года – имени Атамана Пунина). Образование: 2-й кадетский корпус (Санкт-Петербург), Павловское военное училище (Санкт-Петербург). В конце 1912 переведен в 8-й Финляндский стрелковый полк. Был начальником команды пеших разведчиков, а также выполнял функции адъютанта, в марте 1915 – командир 10-й роты полка. Участвовал в боях под Августовым, Буддерном и в Лесистых Карпатах. В ноябре 1915 г. назначен начальником отряда Особой важности при штабе Северного фронта (22 декабря 1915 г. – атаманом того же отряда). Награды: орден Св. Георгия 4-й степени, Золотое Георгиевское оружие с надписью «За храбрость», орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», орден Св. Станислава 2-й степени с мечами, орден Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

² В августе 1915 поручик Пунин был откомандирован из родного полка в Офицерскую стрелковую школу города Ораниенбаума для формирования бронированных авточастей.

³ Рапорт поручика Пунина генералу-квартирмейстеру штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта от 6 декабря 1915 за №343.

В состав отряда вошли: 10 офицеров (не считая атамана Пунина), 17 урядников и унтер-офицеров, 296 казаков и рядовых. Среди специалистов были: 7 подрывников, 8 телефонистов, 4 телеграфиста, 6 кузнецов, 3 ветеринара, 5 фельдшеров и 3 доктора. Конно-горное орудие обслуживали 20 человек⁴.

В литературе ходят небылицы об униформе партизан. Утверждают, что они не носили никаких опознавательных знаков – ни вензелей, ни полковников, ни нашивок, ни погон. Кроме того, в литературе встречаются описания неких нашивок и кокард в виде адамовой головы, будто бы присвоенных партизанам⁵. Однако приказов об этом не обнаружено. Можно с уверенностью сказать, что эти утверждения – домыслы, по крайней мере, в отношении пунинцев. Они носили погоны своих частей с присвоенными вензелями. Казаки, состоявшие в отряде, надевали штаны с лампасами, пренебрегая всеми правилами камуфляжа. Некоторые партизаны носили ротные вензеля и полковники своих частей. Кокарды не маскировали и не закрашивали.

Изображение адамовой головы присутствовало лишь на отрядном знамени. Оно выглядело так.

Полотнище – 70 x 62 см, из черного плотного шелка. На лицевой стороне в центре – изображение адамовой головы, выполненное белой масляной краской, и надписью по обводу: «ВСАДНИКИ НЕСИТЕ СМЕРТЬ ГЕРМАНИИ». На оборотной стороне – неиконографическое, несколько барочное изображение Св. Георгия, обращенного влево, поражающего копьём змия (также выполнено масляными красками). Навершия и лент знамя не имело.

Было ли оно уставным или самопальным, выяснить пока не удалось, так как приказа о даровании знамени в архивах пока не обнаружено. Известно, что весной 1916 года оно уже существовало в отряде.

Отряд практически ни в чем не нуждался. Партизаны были прекрасно обмундированы и экипированы. Среди офицеров многие понимали толк в «тонности». С шиком и форсом одевались практически все – атаман отряда, его младший брат Лев, корнет Станислав Балахович (он был известным модником), корнет Домбровский, поручик Ставский. Пожалуй, единственным, безразличным к «тонности», был сотник Унгерн. Тот ходил в одном и том же френче, галифе и фуражке, которые имели весьма несвежий вид.

⁴ Там же.

⁵ Анненков Б.В. Исповедь. Архив контрразведки ОГПУ // Военно-исторический журнал. 1991. №3. С. 69; Иванов Д. Рожденный на заре свободы - за нее и умрет... Части смерти в Русской Армии 1917 / Военный сборник. Альманах российской военной истории. - 2004. - С. 113-126.

Вот, как Лев Пунин описывал обмундирование партизан (из письма отцу Н.М. Пунину, от 15 января 1916 года):

«Я сейчас одеваюсь с ног до головы от «Эмира Бухарского». Ты и не поверишь, какими франтами мы все ходим, как офицеры, так и солдаты. Я уже давно забыл, что такое рубашка. Ношу шикарные английские кителя. Понятно, на разведке одеваемся по проще».

В другом письме (от 4 марта 1916 года) Лев сообщает отцу, что Леонид «наконец черкеску свою снял и ходит, как и я, в форме стрелков». Тем самым, с ноября по февраль 1916 года атаман, скорее всего, носил черкеску. Любопытно, что этот же вид одежды потом использовал и С.Н. Булак-Балахович, заимствовавший у пунинцев не только тактику, но и бытовые детали.

Несмотря на то, что офицеры получали хорошее жалованье и старались франтить, денег на добротную, «тонную» одежду хватало не всегда. Вот, что писал прапорщик Лев Пунин (10 мая 1916 года):

«Денег у нас немало, однако напрасно ты, папочка, думаешь, что у нас все дешевле. Возьмем хотя бы одежду. На тебе все носится минимум год, а тут – месяц, два и капут. А брюки стоят 45 рублей, китель – 75 рублей, рубашка – 25 рублей, сапоги – 40 рублей грубые, чуть получше – 55 рублей. Собственно, на все на это и уходит наше жалованье, остаток остается в ничтожном количестве. Но все-таки мы не особо нуждаемся и в целом живем хорошо».

Нижние чины отряда имели:

1. Теплое белье: носки, портянки, фуфайки, кальсоны
2. Сапоги и шпоры
3. Валенки
4. Брюки
5. Рубаха
6. Полушубок
7. Палатки
8. Малый халат
9. Папаха
10. Башлык
11. Набрюшник
12. Рукавицы
13. Одеяло⁶

⁶ Рапорт поручика Пунина генералу-квартирмейстеру штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта от 6 декабря 1915 за №343.

Каждый партизан был снабжен саквами с 4 фунтами сухарей, 1 фунтом сахара, 18 золотниками чая, 1 фунтом сала, 0,5 фунта табака, 2 коробки спичек, 1 кремнем. В целом нижние чины были прекрасно одеты и экипированы, нужды ни в чем не испытывали.

После преодоления множества бюрократических преград поручик Пунин смог получить на отряд полный боевой комплект:

Немецкие винтовки

Шашки

Бебуты

Револьверы с 30 патронами (по 8 на эскадрон)

2 патронташа на человека

120 патронов на человека

Светящиеся часы

Компасы

Свистки

Звуковые сигналы

Бинокли (по 8 на эскадрон)

Книжки донесений

Топоры (по 20 на эскадрон)

Электрические фонари

Подрывные толосные шашки с капсюлями (по 6 на человека)

Ручные гранаты (по 3 на человека)

Бикфордов шнур

Пеньковые шнур

Карты

Аптечные и индивидуальные пакеты (по 2 на человека)

Котелки

Сухой спирт⁷

В распоряжении отряда были шесть ружей-пулеметов системы Мадсена, при артиллерийскому отделению – конно-горное орудие образца 1909 года (на случай, если бы пришлось усиленно демонстрировать или работать в арьергарде армии, сдерживая наступление противника)⁸.

⁷ Рапорт поручика Пунина генералу-квартирмейстеру штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта от 6 декабря 1915 за №343.

⁸ Там же.

Боевая работа

Отряд находился в авангарде 12-й армии Северного фронта, занимая выдвинутый участок позиций у Старого Кеммерна (ныне Кемери, Латвия), откуда было легче, как полагало командование, действовать по тылам противника. С 1915 по 1917 год пунинцы успешно вели разведки (иногда боем), ловили контрольных пленных, активно демонстрировали, несколько раз им приходилось выполнять роль конной жандармерии – ядреным словом и крепкой пальбой «вразумлять» распропагандированные пехотные части. Отряд принял участие в Митавской операции (23-29 декабря 1916 года) и обороне Риги (19-24 августа 1917 года), во время которых великолепно себя проявил. Рамки статьи не позволяют коснуться всех операций, потому очертим лишь несколько интересных сюжетов.

В начале 1916 года партизаны ежедневно работали на передовой, ища заветные «бреши» для будущего прорыва в тыл Неманской группы. Они жили одной мечтой - мечтой о настоящем, большом деле, о набеге на штаб генерала Белова. Ради этого отряд Пунина готов был работать и в лютый мороз, и в слякоть.

10 января 2-й эскадрон под командой корнетов Станислава Балаховича и Георгия Домбровского двинулся к мызе Куртин – изучить германские позиции. Погода была для разведки неподходящая – туман и оттепель, кругом слякоть. Шли четыре часа исключительно по воде. Промокли насквозь, но разведку провели. Был замечен неприятельский пост у Дынкен – Элич. Однако германцы блаженствовали – ели колбасы, пили пиво, смеялись и партизан не заметили. Следующей задачей стало снять пост.

12 января в 6 часов утра 2-й эскадрон под командой Станислава Балаховича выступил на Дынкен.

Младший офицер отряда Лев Пунин записал:

«Пошли снимать немецкий пост у Дынкен - Элич. Коноводов оставили на заставе Лемпеж и спешенные двинулись вперед. Домбровский должен был взять охотников от 1-го эскадрона и, охраняя правый фланг нашей разведки, устроить у мостика засаду (мостик специально для этих целей был построен Балаховичем). Ввиду того, что вся эта местность уже была хорошо известна, мы шли без особой бдительности и быстро добрались до заветной просеки. Дозорный подбежал и доложил, что видел немца на просеке. Остановились. Осторожно выползли на просеку и, действительно, шагах в 300 - 400 мерно расхаживал немецкий часовой <...>»⁹.

⁹ Цит. по: *Хорошилова О.* Войсковые партизаны Великой войны. – СПб, 2002. – С. 90.

Две партизанских партии под командой Балаховича начали осторожно обходить пост. Одна группа неожиданно попала на вырубленное место, затопленное водой и покрытое коркой льда. Кто-то провалился, стало шумно. Но немцы продолжали спокойно сидеть вокруг костра.

Лев Пунин продолжает:

«Командир эскадрона направил 2-й и 3-й взводы для обхода поста справа, я же вместе с корнетом пошел в обход поста слева. Только мы углубились в лес. Как услышали правее себя стрельбу. Подумали, что это у Домбровского, очевидно, стычка с немцами, и отошли обратно к просеке. Здесь стало ясно, что стреляет значительно дальше, чем мог быть Домбровский. Очевидно стрельба шла по нашим разгуливающим пехотным разведчикам. Вдруг, видим, что наши 2-й и 3-й взводы пересекают поляну шагов в 100 от немецкого часового и идут гурьбой, с треском. Казалось, что часовой должен их заметить, но он так увлекся мерным похаживанием, что ничего не заметил. Вдруг, слышим ружейный залп и частый ружейный огонь. Видим, как немцы бегут со своего поста, а наши за ними. Брошенной гранатой были ранены наши же двое солдат – казак Маркин и гусар Рябиничев, но оба остались в строю. Я с десятью охотниками бросился вперед и вбежал на холм, где располагался немецкий пост. Мне подают немецкую каску. «А где же немец?» – спросил я, полагали, что поймали пленного. «Убегли», – был ответ. Оказалось, что, действительно, трое немцев благополучно скрылись, а один упал шагах в 100 - 150 от поста, но я его не видел. Сверху мне открылся чудесный вид. Прямо я увидел убегающих из окопа немцев с пулеметом, справа вдаль по дороге скакали всадники. Подтянулись и остальные люди эскадрона. К этому времени картина изменилась. Прямо подходили немецкие резервы, справа от нас – тоже обходили немцы. Вижу в развалинах дома какие-то пушки – видимо, там случайно оказался артиллерийский взвод. Я предложил обстрелять подходившие немецкие цепи и назначил наблюдающим Клепнева и Суханова. Между тем эскадрон отошел назад к лесной просеке. Казак Ерофеев подал мне немецкий погон, который он срезал с приколотого им немца. На погоне была цифра «28» (28-й ландверный полк). Когда мы подошли к просеке, немцы уже успели занять место поста. Решено было их обстрелять <...>¹⁰.

В это время корнет Балахович организовал оборону на холме в 350 шагах от места, где находился германский пост. Сюда Лев Пунин с партизанами втащил пулемет.

¹⁰ Там же. С. 91.

Лев Пунин продолжает:

«Командир эскадрона (корнет Балахович – *О.Х.*) приказал пулеметчику гусары 2-го взвода Тыщенко поставить свой ручной пулемет на просеке в канаве, а лучшим стрелкам велено было расположиться вдоль просеки. Видим, как один (видимо офицер) бегал и распоряжался. Я ждал нашего залпа. Вдруг раздался ружейный огонь со стороны немцев. Лежавший передо мной пулеметчик Тыщенко перевернулся и упал ничком. Я встал на одно колено. Кругом свистели пули. Подобрался к пулеметчику и тут только увидел, что у него закатились глаза и изо рта выступила кровь. На немецкий залп раздалась наши выстрелы. Было видно, как у немцев начали падать люди. У меня мелькнула мысль, что сейчас немцы выйдут из кустов и начнется рукопашный бой. Вынул свой револьвер. Корнет Балахович отдал распоряжение об отходе. Люди быстро вскочили и начали отбегать назад, бросив и пулемет, и убитого. Я заставил некоторых из них вернуться и подобрать тело гусара. Пулемет также был подобран.

Я и мои люди несколько отстали от головной части эскадрона, и на меня легла ответственность за судьбы партизан. По дороге отходить было опасно, и я решил пробираться через болото. Там мы и догнали наших товарищей.

Атаман был доволен результатами разведки. Меня представил к «клякве». Корнет Балахович получил Анну 3-й степени»¹¹.

Награждены были и другие участники разведки. Приказный Маркин и младший унтер-офицер Дараган получили Георгиевские кресты 3-й степени, казак Ерофеев, заколовший постового – Георгия 4-й степени. Старший унтер-офицер Рябиничев и рядовой Суханов получили Георгиевские медали 2-й и 4-й степеней соответственно.

10 марта корпусное командование приказало партизанам демонстрировать на фронте Шлок-Туккум, сковать силы германцев и этим содействовать наступлению соседних частей. Вечером того же дня отряд в составе трех эскадронов (1-ый под командой атамана Пунина, 2-й – корнета Станислава Балаховича, 3-й – корнета Домбровского) двинулся на дело. К партизанам присоединилась команда пеших разведчиков 4-го Латышского Видземского полка (командир – подпоручик Меднис). Выступили в пешем строю. Часть партизан в маскировочных халатах.

2-й и 3-й эскадрон подошли вплотную к проволочным заграждениям и, сбив посты, начали преодолевать проволоку. Шедшие впереди саперы Ставского взорвали 30 фунтов тола и забросали заграждения и окопы ручными гранатами. Германцы зашевелились, зазвучали тревожные рожки, начали подтягиваться резервы. Настало время уходить. Так,

¹¹ Там же. С. 96.

партизанам удалось выполнить задание комфронтном, создав видимость частичного прорыва позиций.

В конце августа отряд вел активные разведки в районе Чаукцема и Антициема. 1 сентября во время стычки с разведгруппой германцев был смертельно ранен атаман Леонид Пунин. После его гибели начальником отряда стал поручик Грибель. Официально в этой должности он был утвержден в октябре. Командиром 1-го эскадрона стал корнет Козубовский. В начале сентября в отряд прибыл брат атамана – Александр Николаевич Пунин, назначенный отрядным адъютантом.

В декабре 1916 года партизаны-пунинцы приняли участие в Митавской операции. Особенно отличились в операции с 24 на 25 декабря, когда нужно было обеспечивать наступление 6-й Особой бригады генерала Лебединского в район Виркне. Ночью отправились на дело – 104 партизана с офицерами (атаманом поручиком Грибелем, поручиком Ставским, корнетом Станиславом Балаховичем и корнетом Домбровским). К отряду присоединились охотники 437-го Сестрорецкого полка и стрелкового дивизиона 4-й отдельной кавалерийской бригады. Руководил разведкой Грибель. Сначала партизаны обеспечивали действия Особой бригады, которая утром 25 декабря перешла в ленивое наступление на Виркне. Уже в 18 часов, во время развития атаки Особой бригады, партия Грибеля получила новый приказ – прорвать линию укреплений противника по линии Лаче - Виркне на деревню Сумарок с целью действовать в тылу, как только отряд генерала Лебединского перейдет в атаку. Задача не из легких – в партии было всего 330 человек и только 3 ружья-пулемета, на соседа, Особую бригаду, надеяться было опасно – деморализованные части могли стихийно отступить, оголить левый фланг партизан. Но Грибель смело пошел в атаку. Отряд прорвал три линии заграждений, лихо отбил контратаку немцев и загнал их обратно в окопы. А главное партия спасла бедственное положение Особой бригады – отвлекла внимание германцев от Лебединского и «вызвала огонь на себя». Но атака Лебединского тем не менее захлебнулась, Грибель вынужден был прекратить наступление и отвел сводный отряд в Старый Кеммерн. В этом бою были ранены поручик Грибель, корнет Станислав Балахович и корнет Домбровский. Поручик Ставский контужен. Но они остались в строю. Убито шесть партизан – Ивановский, Аптикеев, Дорофеев, Садов, Поляков и смельчак-пулеметчик Митюхин, не раз спасавший партизан от окружения. 13 пунинцев были ранены. Примерно такие же потери были в стрелковом дивизионе.

Февральская лихорадка обошла партизан стороной. В отличие от офицеров, внимательно следивших за петроградскими революционными событиями, нижние чины пока оставались безразличными. Не было ни митингов, ни истеричного срывания погон.

Летом 1917 пунинцы участвовали в Рижской операции. Во время стремительного отхода наших частей к Вендену отряд оставался одной из наиболее дисциплинированных и боеспособных частей 12-й армии. Однако после окончания боевых действий атмосфера в отряде начала меняться. Станислав Балахович и фон дер Лауниц настраивали партизан против Александра Пунина (с марта 1917 он был начальником отряда), обвиняли его в «приверженстве к старому режиму», призывали не выполнять его приказы, а подчиняться исключительно им – «офицерам-большевикам». 15 сентября отряд вышел из подчинения Александра Пунина. Понимая, что изменить ситуацию невозможно, он оставил часть вместе с четырьмя офицерами (в том числе и Львом Пуниным). Отряд также покинули 3-й эскадрон полностью, а также части 1-го, 2-го эскадронов и отрядных команд.

Братья Балаховичи, а также Лауниц и Ставский продолжили боевую службу в отряде, который работал на позициях вплоть до февраля 1918 года и, таким образом, стал единственным партизанским формированием Северного фронта, работавшим с 1915 по 1918 год.

Отряд атамана Пунина – интереснейший феномен не только Первой мировой, но и Гражданской войны. Он стал бесценной боевой школой будущих деятелей белого движения – сотника барона Унгерна, братьев Балаховичей, капитана Ставского, ротмистра Домбровского. Вынесенный из нее опыт, они в полной мере применили, командуя собственными формированиями и отрядами.

Об авторе:

Хорошилова Ольга Андреевна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории искусств Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.

Olga Khoroshilova, PhD, Assistant Professor of Art History and Theory Department of the Saint Petersburg State University of Technology and Design.